

Галина Борисовна подносит кулак к моему лицу и говорит: «Только попробуй предай!»

Юбилей Галины Волчек

Валек Галина Борисовна

юбилей

Галина Волчек с отцом. 40-е годы

26

“Галя Волчек всегда играла моих матерей”

Олег Табаков о Галине Волчек — Газете

Сегодня — юбилей Галины Борисовны Волчек, художественного руководителя театра «Современник». Олег Табаков был актером этого театра с пятьдесят шестого года. С Олегом Павловичем Табаковым встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Это тот самый случай, когда с человеком связывают самые лучшие, самые максималистские устремления. Это было замечательное время, почти как в детстве, когда тебе, по формуле Андерсена, принадлежит весь мир и еще пара коньков в придачу. Такие чувства, которые связывают меня с Галей Волчек. И то, как я любил Женю Евстигнеева и как на протяжении этого огромного срока, который называется жизнь — начиная с пятьдесят шестого, что составляет скоро пятьдесят лет, — я по-прежнему так

же нежно и так же верно отношусь к Гале. Она — единственный в моей жизни режиссер, который остановил работу над спектаклем, где я был занят как актер. Остановила репетиции, потому что я перенес инфаркт. И возобновила она работу только тогда, когда я после инфаркта оправился. Мне было двадцать девять лет. Это был поступок, который, конечно, аналогов не имеет. Галя по массе своей, по экстерьеру своему, довольно крупному, играла почти всегда моих мам. И даже моя родная мама идентифицировала ее в таком качестве.

Заботы, которыми окружала меня Галя, наверное, тоже были, скажем так, неординарными. Все это было связано, конечно, с тем, как мы тогда жили, как мы тогда работали. Стоит только вспомнить наши ночные бдения, во время которых мы обсуждали друг друга — со всей прямоотой. Когда кто-то мог получить столько правды, что было удивительно, как он вообще жив оставался. И наши ночные репетиции, ночные разговоры — конечно, это был период прекрасный... И как мы ежесезонно перераспределяли зарплату, сдавали деньги в кассу общую. Это все в общем-то аналогов не имеет. Чего пожелать? Наверное, того, чего и себе желаю: здоровья. Удачи. Здоровья детям, точнее — ребенку, Денису, которого я так же люблю, как и Антона своего.

“если бы не было Волчек, ее надо было бы придумать”

Николай Коляда о Галине Волчек — Газете

Николай Коляда — один из наиболее популярных у нас и на Западе драматургов. Живет в Екатеринбурге. Известность пришла к нему, когда Галина Волчек поставила в «Современнике» его пьесу «Мурлин Мурло». С Николаем Колядой встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

С Галиной Борисовной знаком больше пятнадцати лет. Она открыла меня Москве, поставив здесь впервые мою пьесу, потом она первая поставила мою пьесу «Мурлин Мурло» в Германии. Я ей очень, очень многим обязан и до сих пор искренне ею восхищаюсь. И как бы ни развивались наши отношения — сейчас наступил некоторый холодок, — я всегда буду ей благодарен. И это охлаждение ни на что не влияет. Помню, мы как-то с ней ехали в лифте и она говорит: «Вот выращиваешь драматургов, а потом они тебя предают». И потом подносит кулак к моему лицу и говорит: «Только попробуй предай!» Она позволила мне сделать несколько постановок в ее театре. «Современник» до сих пор меня кормит, что тоже немало важно. Театр свой она любит самозабвенно. Вообще она часто говорит: «Не пишите про меня, пишите про «Современник»! Когда я работал в Гамбурге актером, она приехала туда ставить спектакль «Звезды на утреннем небе». Помню, когда мы встретились с ней в этом городе, она сказала мне: «Коль, ты теперь все здесь знаешь, ну давай, веди меня по своим помойкам». И мы пошли с ней в самые дешевые магазины. Накупили всякой дребедени. А потом пошли в дорогие магазины, купили пакеты и переложили наши подарки в них. Чтобы выглядело стильно, дорого. Ведь близился Новый год, и Волчек хотела всем-всем, всему театру, шоферу, домработнице, привез-

ти какой-то маленький подарочек, сувенир. А потом мы сидели на скамейке, курили, и она, вздохнув, сказала: «Никогда этим немцам нас не понять». Она потрясающе красива, и, кажется, с каждым годом все красивее и красивее. Меня всегда поражало ее умение абсолютно на равных разговаривать как с дворником, так и с министром. Помню, как-то шофер ей сказал: «Что за профессия у вас, Галина Борисовна, — заперлись в застенке, в зрительном зале в этом, и сидите по восемь часов в сутки!» На что она ему ответила что-то вроде: «Не говори — сама себя тут замуровала». Я всегда ее очень робел, вообще ее очень многие побаиваются. Как только она входит в театр, об этом становится известно сразу всем. И все — как мыши по своим местам. А зря — это с годами она выработала себе такой имидж, понимая, что необходимо выглядеть бойцом таким, что ли. А на самом деле она — нежная, добрая, с потрясающим чувством юмора. Так вот, однажды она пригласила меня в гости, и я, как всегда при ней, немного оробел. Еду в машине, спина прямая, чего-то боюсь. Пришел к ней домой — а там мебель из красного дерева, все красиво, шикарно. А Волчек говорит: «Ты что думаешь, это недавно куплено? Ну да. Это мы все с Евстигнеевым со свалок когда-то притащили!» Критиков она не любит, это известно. Помню, однажды мы были с ней на какой-то ту-

совке, где было много известных критиков. И она ходила, вздыхала, и говорит мне: «Как я все это ненавижу! Я чувствую себя здесь, как в Чечне!» К Олегу Ефремову у нее отношение исключительное. Ему позволено было все! Так она была благодарна учителю. Он мог говорить про «Современник» все что угодно, как угодно поступать, но она, как только слышит про него что-то плохое, сразу говорит: «Замолчите! Предать Ефремова — это предать искусство, театр!» И у нее навсегда сохранился пиетет к учителю. И я своим студентам говорю, что у учителей и учеников пути могут быть разные, они часто расходятся. Но это не должно разрушать их отношений. Когда она в Германии ставила мою пьесу «Мурлин Мурло», был конец девяностого года, премьера состоялась 30 декабря. В спектакле такой финал: там все заканчивается землетрясением, все рушится — стены, мебель, весь дом. И как раз в этот день рухнула империя — распался Советский Союз. На немцев это произвело колоссальное впечатление. Об этом спектакле говорили как о событии в театральной жизни Германии. С немецкими актерами она, конечно, работала хорошо, но это не актеры «Современника». Немецкие артисты очень честные, работающие, но актеров «Современника» Бог поцеловал. Она всегда говорила, что немецкие актеры, конечно, очень трудолюбивы, но «если судить по количеству пята, то вол — самое творческое существо». Хочется пожелать Галине Борисовне здоровья! Хотя она, знаю, вздыхает, говорит, что все зрители постоянно желают ей только здоровья, словно она не очень хорошо себя чувствует. Поэтому — пусть она живет двести, триста лет! Ей-богу, если бы не было Волчек, ее надо было бы придумать.